

Марков Олег Александрович, студент,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
медицинский университет» Минздрава России

Вечкаева Ирина Викторовна,
доцент, кандидат медицинских наук,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
медицинский университет» Минздрава России

ИНСУЛИНОРЕЗИСТЕНТНОСТЬ: МОЛЕКУЛЯРНЫЕ ОСНОВЫ И РОЛЬ В ПАНДЕМИИ МЕТАБОЛИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Аннотация. В обзоре рассмотрены современные данные об этиологии и молекулярных механизмах инсулинорезистентности (липотоксичность, хроническое воспаление, митохондриальная дисфункция), её системные последствия и современные подходы к диагностике и патогенетической терапии. Показана ключевая роль инсулинорезистентности в развитии пандемии метаболических заболеваний.

Ключевые слова: Инсулинорезистентность, молекулярные механизмы, метаболическое воспаление, липотоксичность, сигнальные пути, дисфункция жировой ткани.

Введение.

1. Определение инсулинорезистентности (согласно современным представлениям)

Инсулинорезистентность (ИР) определяется как снижение биологического ответа инсулинозависимых тканей (скелетных мышц, жировой ткани, гепатоцитов) на стимуляцию инсулином при сохранении или повышении его концентрации в крови [1]. Данное состояние является ключевым звеном в патогенезе сахарного диабета 2 типа (СД2), ожирения, метаболического синдрома, неалкогольной жировой болезни печени (НАЖБП) и сердечно-сосудистых заболеваний [3].

2. Место в структуре метаболических заболеваний и актуальность

Распространенность ИР среди взрослого населения мира варьирует в широких пределах – от 16% до 47%, что позволяет рассматривать ее как одно из самых частых метаболических нарушений [2]. По данным Международной диабетической федерации, более 537 миллионов взрослых живут с диабетом, причем подавляющее большинство случаев СД2 ассоциировано с ИР [4]. Термин «диабетическое ожирение», введенный в начале 2000-х годов, отражает неразрывную синдемическую связь между избыточным накоплением жировой ткани и нарушением углеводного обмена [5]. Согласно прогнозам World Obesity Atlas, к 2030 году около 50% взрослого населения планеты будет иметь индекс массы тела (ИМТ) 30 кг/м² и выше [6]. Пандемия COVID-19 дополнительно обострила эту проблему, выявив, что неблагоприятные исходы инфекции достоверно выше у пациентов с ожирением и метаболическими нарушениями [7].

3. Цель и задачи статьи

Цель данной работы – систематизировать современные данные о молекулярных механизмах развития инсулинорезистентности – от дефектов на рецепторном уровне до системных последствий дисфункции жировой ткани, хронического воспаления и липотоксичности, а также представить классификацию ИР по этиопатогенетическому принципу и проанализировать принципы диагностики и патогенетической терапии ИР-ассоциированных состояний.

II. Этиология (причины и условия возникновения)

1. Генетическая предрасположенность

Инсулинорезистентность имеет полигенную природу и ассоциирована с полиморфизмами генов, участвующих в передаче инсулинового сигнала, метаболизме липидов и регуляции воспаления. Ключевыми генами-кандидатами являются TCF7L2, PPARG, KCNJ11, FTO, MC4R, а также гены, регулирующие секрецию инсулина и чувствительность тканей к гормону [8, 9]. Важным патофизиологическим аспектом является этническая гетерогенность: у представителей южноазиатских популяций ИР развивается при более низком ИМТ, что свидетельствует о генетически детерминированных особенностях метаболизма [28].

2. Триггерные факторы (согласно современным концепциям)

К основным триггерным факторам развития ИР относят:

1) Факторы образа жизни: гиподинамия, высококалорийное питание с избытком насыщенных жиров и простых углеводов, хронический стресс, нарушение циркадных ритмов [17].

2) Перинатальные факторы: внутриутробная задержка роста, низкая масса тела при рождении, курение матери во время беременности, ожирение матери [5].

3) Эндокринные нарушения: гиперандрогения (синдром поликистозных яичников), гипотиреоз, гиперкортицизм [15].

4) Медикаментозные факторы: глюкокортикоиды, антипсихотики, некоторые антиретровирусные препараты [15].

5) Эпигенетические изменения: модификации ДНК и гистонов, индуцированные неблагоприятными факторами внешней среды и передающиеся последующим поколениям [25].

III. Патогенез (механизмы развития)

1. Структура и функции инсулинового рецептора

Инсулин представляет собой пептидный гормон, состоящий из 51 аминокислоты и содержащий А-цепь (21 аминокислота) и В-цепь (30 аминокислот), соединенных дисульфидными мостиками. Секретируемый β -клетками островков Лангерганса в ответ на повышение уровня глюкозы, инсулин связывается со специфическим рецептором на плазматической мембране клеток-мишеней, инициируя каскад внутриклеточных сигнальных событий [8].

Инсулиновый рецептор относится к семейству рецепторных тирозинкиназ и представляет собой гетеротетрамерный гликопротеин, состоящий из двух внеклеточных α -субъединиц (отвечающих за связывание лиганда) и двух трансмембранных β -субъединиц (обладающих тирозинкиназной активностью). Связывание инсулина индуцирует конформационные изменения, приводящие к аутофосфорилированию β -субъединиц и активации их киназной функции [9].

2. Ключевые сигнальные пути

Активированный инсулиновый рецептор фосфорилирует белки-субстраты, главным образом IRS-1 и IRS-2, создавая на них фосфотирозиновые участки. Эти участки служат местом связывания для различных сигнальных молекул, включая фосфатидилинозитол-3-киназу (PI3K) [10]. PI3K катализирует образование фосфатидилинозитол-3,4,5-трифосфата (PIP3), который активирует протеинкиназу В (Akt) путем фосфорилирования киназой PDK1. Akt является центральной сигнальной молекулой, опосредующей большинство метаболических эффектов инсулина [11].

Основные функции Akt включают [8-11]:

1) Регуляция транспорта глюкозы: в скелетных мышцах и жировой ткани Akt стимулирует транслокацию транспортера глюкозы GLUT4 из внутриклеточных везикул к плазматической мембране.

2) Стимуляция синтеза гликогена: Akt фосфорилирует и инактивирует киназу гликогенсинтазы-3 (GSK-3), что приводит к активации гликогенсинтазы.

3) Подавление глюконеогенеза: в гепатоцитах Akt фосфорилирует транскрипционный фактор FOXO1, вызывая его экспорт из ядра и снижая экспрессию генов ключевых ферментов глюконеогенеза.

4) Регуляция липидного обмена: Akt активирует фактор транскрипции SREBP-1c, усиливающий экспрессию генов липогенных ферментов, и ингибирует липолиз путем активации фосфодиэстеразы 3B [12].

5) Контроль синтеза белка: через активацию mTORC1 путем фосфорилирования и инактивации его ингибиторов TSC2 и PRAS40 [8].

В отличие от инсулин-зависимого пути PI3K/Akt, AMP-активируемая протеинкиназа (AMPK) функционирует как сенсор энергетического статуса клетки и активируется при повышении соотношения АМФ/АТФ в условиях энергетического дефицита [13]. В контексте инсулинорезистентности AMPK играет протективную роль, поскольку ее активация стимулирует окисление жирных кислот в митохондриях, усиливает транслокацию GLUT4 и подавляет липогенез в печени. В условиях хронической гиперинсулинемии и перегрузки нутриентами активность AMPK снижается, что способствует прогрессированию метаболической дисфункции [13, 14].

3. Молекулярные механизмы развития инсулинорезистентности

Инсулинорезистентность возникает в результате сбоя на разных уровнях трансдукции инсулинового сигнала [15]. На пререцепторном уровне выделяют структурные аномалии молекулы инсулина, появление антител к гормону или его рецептору, а также ускоренный распад инсулина. На уровне рецептора к нарушениям приводят: снижение количества рецепторов на поверхности клеток (down-регуляция) вследствие хронической гиперинсулинемии, нарушение тирозинкиназной активности β -субъединицы, а также повышенное сериновое фосфорилирование рецептора, ингибирующее его активность [15].

Ключевую роль в развитии ИР играют пострецепторные дефекты, в частности, дисрегуляция белков семейства IRS. В норме сигнальная функция IRS-1 требует фосфорилирования по тирозиновым остаткам. При инсулинорезистентности происходит чрезмерное фосфорилирование IRS-1 по сериновым остаткам (Ser307, Ser636), что препятствует взаимодействию IRS с инсулиновым рецептором, ускоряет деградацию белка и превращает IRS в ингибитор сигнального каскада [16]. Сериновое фосфорилирование IRS-1 осуществляется несколькими киназами (JNK, IKK β , PKC θ и S6K1), которые активируются в условиях избытка питательных веществ и воспаления [17].

4. Роль липотоксичности

Избыточное отложение жиров в тканях, не предназначенных для их хранения (таких как миокард, гепатоциты и мышечные волокна), запускает процессы липотоксического повреждения. Ключевыми медиаторами этого процесса выступают диацилглицеролы (ДАГ) и церамиды. ДАГ инициируют сигнальные каскады через активацию протеинкиназы C (PKC ϵ в печени и PKC θ в мускулатуре), что ведет к прямому сериновому фосфорилированию субстрата инсулинового рецептора IRS-1, блокируя передачу сигнала [18]. В свою очередь, церамиды подавляют инсулиновый ответ, препятствуя транслокации и активации ключевой киназы Akt, усиливая воспалительные реакции и способствуя сбоям в работе митохондрий [19]. Например, в клетках сердечной мышцы аккумуляция церамидов в сочетании с усиленным окислением жирных кислот снижает эффективность энергетического обмена, что является одним из патогенетических механизмов развития диабетической кардиомиопатии [20].

5. Митохондриальная дисфункция

В условиях перегрузки нутриентами митохондрии претерпевают структурные и функциональные изменения: снижается эффективность окислительного фосфорилирования, увеличивается продукция активных форм кислорода (АФК), повреждается митохондриальная ДНК, нарушается динамика митохондрий [20, 21]. Митохондриальная дисфункция создает порочный круг: АФК активируют провоспалительные пути и сериновые киназы, усугубляя ИР, а ИР дополнительно нарушает функцию митохондрий [20].

6. Хроническое воспаление и иммунометаболические нарушения

Центральную роль в патогенезе инсулинорезистентности играет хроническое системное воспаление, неизбежно сопутствующее ожирению. В висцеральной жировой ткани этот процесс характеризуется значительной инфильтрацией макрофагами, при этом их функциональный профиль смещается с противовоспалительного (M2) на провоспалительный (M1) [22]. Активированные M1-макрофаги высвобождают каскад провоспалительных цитокинов, включая TNF- α , IL-6 и IL-1 β . Эти медиаторы, в свою очередь, запускают внутриклеточные сигнальные пути JNK и IKK β /NF- κ B, которые непосредственно нарушают передачу инсулинового сигнала, катализируя ингибирующее сериновое фосфорилирование субстрата инсулинового рецептора IRS-1 [23].

В условиях липотоксичности (избытка насыщенных жирных кислот и церамидов) и накопления кристаллов холестерина происходит активация NLRP3-инфламмосомы, что приводит к секреции активного IL-1 β . Последний не только поддерживает локальное воспаление в жировой ткани, но и оказывает прямое цитотоксическое действие на β -клетки островков Лангерганса, способствуя их апоптозу [24]. Одновременно перегрузка эндоплазматического ретикулума нутриентами индуцирует его стресс и разворачивает адаптивный ответ UPR, который при хронической стимуляции трансформируется в проапоптотический и провоспалительный сигналинг [25].

В патогенезе инсулинорезистентности всё большее значение придается дисфункции ассоциированных с митохондриями мембран ЭПР (МММ). Именно согласованная работа и тесное взаимодействие этих двух органелл критически важны для передачи сигнала инсулина. При ожирении целостность и функция МММ нарушаются, что приводит к сбоям в обмене кальция между органеллами и, как следствие, усугубляет метаболический дисбаланс [26].

7. Дисфункция жировой ткани

Патофизиологическая перестройка жировой ткани при ожирении лежит в основе системной инсулинорезистентности. Изменение фенотипа адипоцитов, их гипертрофия и связанная с этим гипоксия иницируют провоспалительные сигнальные пути. Следствием данных процессов выступает нарушение эндокринной функции жировой ткани – адипокиновый дисбаланс, при котором снижение концентрации инсулин-сенсibiliзирующего адипонектина сочетается с гиперпродукцией лептина и формированием лептинорезистентности, что замыкает порочный круг метаболических нарушений [27].

8. Системные проявления и органые последствия

Патофизиологические последствия инсулинорезистентности реализуются на уровне всех инсулинозависимых тканей, формируя полиорганную дисфункцию [17].

Скелетная мускулатура. Являясь основным потребителем глюкозы в постпрандиальном периоде (до 80%), мышечная ткань первой отражает метаболические сбои. В условиях ИР нарушается ключевой этап утилизации глюкозы – транслокация транспортера GLUT4 к клеточной мембране. Параллельно угнетаются процессы синтеза гликогена и β -окисления жирных кислот. Патогенетически значимым является феномен внутримиоцеллюлярной липидной аккумуляции: степень накопления липидов в мышечных волокнах коррелирует с тяжестью ИР более тесно, чем общие показатели ожирения [17].

Печень. В гепатоцитах ИР приобретает парадоксальный характер, известный как «селективная» печеночная резистентность. Нарушается способность инсулина подавлять глюконеогенез, что ведет к неконтролируемой продукции глюкозы печенью и усугублению гипергликемии. При этом липогенное действие гормона (стимуляция *de novo* липогенеза через фактор SREBP-1c) сохраняется или даже усиливается. Такая дискоординация метаболических путей создает условия для накопления триглицеридов в гепатоцитах, инициируя развитие стеатоза и прогрессирование неалкогольной жировой болезни печени (НАЖБП) [12].

Сердечно-сосудистая система. ИР выступает в роли интегрального фактора агрессии для сосудистого русла и миокарда. Системные метаболические нарушения инициируют каскад атерогенных реакций: развивается эндотелиальная дисфункция, активируются провоспалительные сигнальные пути в сосудистой стенке, формируется атерогенная дислипидемия и состояние гиперкоагуляции. На уровне миокарда сочетанное воздействие гипергликемии и ИР индуцирует оксидативный стресс, запускает процессы фиброобразования и апоптоза кардиомиоцитов. Совокупность этих изменений лежит в основе ремоделирования сердечной мышцы и формирования диабетической кардиомиопатии [20].

Поджелудочная железа. Взаимоотношения между инсулинрезистентными тканями и β -клетками островков Лангерганса проходят две стадии. На начальном этапе, в рамках компенсаторной реакции, β -клетки усиливают секрецию инсулина для преодоления тканевой резистентности. Однако хроническая гиперстимуляция в условиях липотоксического воздействия и системного воспаления приводит к истощению секреторного резерва, запуску апоптоза β -клеток и, как следствие, клинической манифестации сахарного диабета 2 типа (СД2) [24].

IV. Диагностика (согласно современным рекомендациям)

1. Клинические критерии и группы риска

Диагностика инсулинорезистентности базируется на выявлении клинических и лабораторных признаков, входящих в состав метаболического синдрома [15]. К ключевым критериям относят:

- 1) Абдоминальное ожирение (окружность талии ≥ 94 см у мужчин, ≥ 80 см у женщин).
- 2) Артериальная гипертензия ($\geq 130/85$ мм рт. ст.).
- 3) Дислипидемия (триглицериды $\geq 1,7$ ммоль/л, холестерин липопротеидов высокой плотности $< 1,0$ ммоль/л у мужчин, $< 1,3$ ммоль/л у женщин).
- 4) Нарушения углеводного обмена (нарушенная гликемия натощак, нарушенная толерантность к глюкозе, СД2).

2. Лабораторная диагностика

Лабораторное подтверждение ИР включает определение уровня глюкозы и инсулина с расчетом индексов [8, 15]:

- 1) Глюкоза крови: натощак, пероральный глюкозотолерантный тест (ПГТТ).
- 2) Инсулин: базальный уровень, индексы (НОМА-IR, QUICKI). $\text{НОМА-IR} = (\text{глюкоза натощак (ммоль/л)} \times \text{инсулин натощак (мкЕд/мл)}) / 22,5$. Значение $\text{НОМА-IR} > 2,5-2,7$ свидетельствует о наличии ИР.
- 3) Липидный профиль: общий холестерин, ЛПНП, ЛПВП, триглицериды.
- 4) Маркеры воспаления: высокочувствительный С-реактивный белок (СРБ), IL-6, TNF- α (в исследовательских целях) [7, 23].
- 5) Адипокины: адипонектин (снижен), лептин (повышен) – в исследовательских целях [27].

3. Инструментальная диагностика

Для количественной оценки ИР и выявления органических осложнений используются следующие методы [8, 20]:

1) Эугликемический гиперинсулинемический клэмп – «золотой стандарт» количественной оценки ИР (в научных исследованиях).

2) Двухэнергетическая рентгеновская абсорбциометрия (DXA) – оценка распределения жировой ткани.

3) УЗИ печени – выявление стеатоза.

4) Эластометрия печени – оценка фиброза при НАЖБП.

5) Эхокардиография – оценка диастолической дисфункции при диабетической кардиомиопатии [20].

4. Индексы и шкалы

Для скрининга и оценки тяжести ИР используются следующие индексы [8, 15]:

1) НОМА-IR (Homeostasis Model Assessment of Insulin Resistance).

2) QUICKI (Quantitative Insulin Sensitivity Check Index).

3) Индекс Matsuda (по данным ПГТТ).

4) Шкала METS-IR (Metabolic Score for Insulin Resistance) для скрининга в популяции.

V. Принципы патогенетической терапии (согласно современным рекомендациям)

1. Терапевтические стратегии с позиций патогенеза

Углубленное изучение молекулярных основ инсулинорезистентности создает фундамент для разработки патогенетически обоснованных подходов к терапии [13, 29].

Модификация образа жизни. Базисным компонентом профилактики и коррекции ИР служит регулярная физическая активность и ограничение калорийности питания. Их положительное влияние опосредовано активацией АМПК, улучшением функционального состояния митохондрий и ослаблением системного воспалительного ответа [13].

Метформин. Является базисным препаратом для коррекции ИР. Механизм действия связан с активацией АМПК, подавлением глюконеогенеза в печени и улучшением периферической утилизации глюкозы [8, 10].

Тиазолидиндионы (пиоглитазон). Агонисты PPAR γ увеличивают чувствительность жировой ткани и мышц к инсулину, снижают липотоксичность [8].

Агонисты рецепторов GLP-1 (лираглутид, семаглутид и др.). Среди фармакологических средств особое место занимают агонисты рецепторов глюкагоноподобного пептида-1 (GLP-1), появление которых существенно изменило подходы к ведению пациентов с ожирением и сахарным диабетом 2 типа. Механизм их действия выходит за рамки снижения массы тела и контроля гликемии: препараты этой группы реализуют прямое противовоспалительное действие через подавление сигнальных путей NF- κ B и JNK, ингибирование сборки NLRP3-инфламмосомы и снижение секреции провоспалительных цитокинов [29].

Ингибиторы SGLT2 (эмпаглифлозин, дапаглифлозин и др.). Особого внимания заслуживают ингибиторы натрий-глюкозного котранспортера 2 (SGLT2), продемонстрировавшие способность улучшать прогноз у пациентов с сердечной недостаточностью и нефропатией вне зависимости от наличия сахарного диабета. Данный эффект обусловлен комплексным воздействием на гемодинамические параметры и метаболические процессы, что открывает дополнительные перспективы для органопroteкции при ИР-ассоциированных состояниях [30].

Ингибиторы DPP-4. Повышают уровень эндогенных инкретинов, оказывают нейтральное влияние на массу тела и умеренно улучшают чувствительность к инсулину [8].

Комбинированная терапия. Позволяет достичь синергизма различных классов препаратов для воздействия на разные звенья патогенеза (инкретиновый эффект + снижение ИР + органопroteкция) [5, 29].

2. Перспективные направления

К перспективным направлениям терапии ИР относятся [24, 26, 29]:

1) Таргетная терапия воспаления: ингибиторы $IL-1\beta$ (канакинумаб), ингибиторы JAK (тофацитиниб) – в рамках клинических исследований при ИР-ассоциированных состояниях.

2) Модуляция микробиоты: пробиотики, пребиотики, трансплантация фекальной микробиоты.

3) Генная и эпигенетическая терапия (экспериментальные подходы).

VI. Осложнения и прогноз

1. Осложнения заболевания

Инсулинорезистентность является универсальным патогенетическим звеном широкого спектра заболеваний [1, 3, 5]:

1) Сахарный диабет 2 типа – закономерный исход прогрессирующей ИР при истощении β -клеток [24].

2) Сердечно-сосудистые осложнения: инфаркт миокарда, ишемический инсульт, хроническая сердечная недостаточность [20, 30].

3) Неалкогольная жировая болезнь печени (НАЖБП) с риском прогрессирования до стеатогепатита, цирроза и гепатоцеллюлярной карциномы [12].

4) Хроническая болезнь почек (диабетическая нефропатия, гиперфилтрация, альбуминурия) [30].

5) Синдром поликистозных яичников и связанная с ним бесплодие [15].

6) Обструктивное апноэ сна, ассоциированное с ожирением [5].

7) Онкологические риски (рак молочной железы, колоректальный рак, рак эндометрия, гепатоцеллюлярная карцинома) [25].

2. Осложнения терапии

При проведении фармакотерапии ИР-ассоциированных состояний возможны следующие нежелательные явления [8, 29, 30]:

1) Гипогликемии (особенно при сочетании с инсулином или сульфонилмочевинной).

2) Желудочно-кишечные расстройства (метформин, агонисты GLP-1).

3) Задержка жидкости, увеличение массы тела (тиазолидиндионы).

4) Риск инфекций мочевыводящих путей и генитальных грибковых инфекций (ингибиторы SGLT2).

5) Редкие случаи панкреатита (агонисты GLP-1, ингибиторы DPP-4).

6) Необходимость мониторинга функции печени, почек, витамина B12 (метформин).

3. Исходы и прогноз

Факторами неблагоприятного прогноза при ИР являются высокая степень резистентности, позднее начало терапии, наличие сердечно-сосудистых осложнений, неэффективность модификации образа жизни [5, 17]. Достижение ремиссии (нормализация углеводного обмена, снижение массы тела) возможно при раннем вмешательстве и комплексном подходе. Качество жизни пациентов с ИР-ассоциированными состояниями значительно снижено вследствие коморбидности, ограничений физической активности и психосоциальных факторов [7, 24].

VII. Заключение

Инсулинорезистентность представляет собой сложный, многоуровневый патофизиологический процесс, выходящий далеко за рамки простого нарушения углеводного обмена. Как показано в данном обзоре, в её основе лежит тесная интеграция сигнальных путей инсулина, липидного метаболизма, митохондриальной дисфункции и хронического воспаления, образующих порочные круги метаболических нарушений [3, 8, 17]. Критическую роль в запуске и прогрессировании инсулинорезистентности играет дисфункция жировой ткани, запускающая каскад липотоксических и провоспалительных реакций, которые нарушают работу рецепторного и пострецепторного аппарата клеток [12, 27].

Системный характер ИР объясняет её роль как универсального патогенетического звена в развитии не только сахарного диабета 2 типа, но и пандемии неалкогольной жировой болезни печени, сердечно-сосудистых заболеваний и других метаболически ассоциированных состояний [1, 4, 5]. Современное понимание молекулярных механизмов – от серинового фосфорилирования IRS-1 до активации NLRP3-инфламмосомы – обосновывает переход от симптоматической терапии к патогенетически ориентированным стратегиям [16, 24, 29].

В этом контексте особую значимость приобретают препараты с плеiotропными эффектами (агонисты GLP-1, ингибиторы SGLT2), воздействующие на ключевые звенья метаболического воспаления и энергетического дисбаланса [29, 30]. Дальнейшее изучение механизмов инсулинорезистентности, в том числе роли межорганельных взаимодействий, микробиоты и эпигенетических факторов, остается фундаментом для разработки эффективных мер профилактики и лечения, способных противостоять глобальной эпидемии метаболических заболеваний [25, 26, 28].

Список литературы:

1. Eckel RH, Krentz AJ, Jacob S, Libby P. Global cardiometabolic alliance: A clinical and research initiative addressing the 21st century pandemic of insulin resistance-associated disease. *Diabetes Obes Metab.* 2025;27(11):6101–6104. doi: 10.1111/dom.70033
2. NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC). Worldwide trends in underweight and obesity from 1990 to 2022: A pooled analysis of 3663 population-representative studies with 222 million children, adolescents, and adults. *Lancet.* 2024;403:1027–1050. doi: 10.1016/S0140-6736(23)02750-2
3. Saadati S, Godini R, Reddy A, Teede H, Mousa A. Metabolic crossroads in insulin resistance: exploring lipid dysregulation and inflammation. *Front Immunol.* 2025;16:1692742. doi: 10.3389/fimmu.2025.1692742
4. Singh SK, Menon AS. Diabetes: Unravelling the Synergistic Epidemic of Obesity and Type 2 Diabetes. *NMO J.* 2025;19(2):210–217. doi: 10.4103/JNMO.JNMO_26_25
5. Lingvay I, Cohen RV, Roux CWL, Sumithran P. Obesity in adults. *Lancet.* 2024;404(10456):972-987. doi: 10.1016/S0140-6736(24)01210-8
6. World Obesity Federation. World Obesity Atlas 2025 [Internet]. London: World Obesity Federation; 2025 [cited 2026 Feb 24]. Available from: <https://www.worldobesity.org/resources/atlas-2025>
7. Rohm TV, Meier DT, Olefsky JM, Donath MY. Inflammation in obesity, diabetes, and related disorders. *Immunity.* 2022;55(1):31-55. doi: 10.1016/j.immuni.2021.12.013
8. Petersen MC, Shulman GI. Mechanisms of Insulin Action and Insulin Resistance. *Physiol Rev.* 2018;98(4):2133–2223. doi: 10.1152/physrev.00063.2017
9. Haeusler RA, McGraw TE, Accili D. Biochemical and cellular properties of insulin receptor signalling. *Nat Rev Mol Cell Biol.* 2018;19(1):31–44. doi: 10.1038/nrm.2017.89
10. Boucher J, Kleinridders A, Kahn CR. Insulin receptor signaling in normal and insulin-resistant states. *Cold Spring Harb Perspect Biol.* 2014;6(1):a009191. doi: 10.1101/cshperspect.a009191
11. Manning BD, Toker A. AKT/PKB Signaling: Navigating the Network. *Cell.* 2017;169(3):381–405. doi: 10.1016/j.cell.2017.04.001
12. Blüher M. Understanding Adipose Tissue Dysfunction. *J Obes Metab Syndr.* 2024;33(4):275-288. doi: 10.7570/jomes24013
13. Steinberg GR, Hardie DG. New insights into activation and function of the AMPK. *Nat Rev Mol Cell Biol.* 2023;24(4):255–272. doi: 10.1038/s41580-022-00547-x

14. Masenga SK, Kabwe LS, Chakulya M, Kirabo A. Mechanisms of Oxidative Stress in Metabolic Syndrome. *Int J Mol Sci.* 2023;24(9):7898. doi: 10.3390/ijms24097898
15. Neeland IJ, Lim S, Tchernof A, et al. Metabolic syndrome. *Nat Rev Dis Primers.* 2024;10(1):77. doi: 10.1038/s41572-024-00563-5
16. Copps KD, White MF. Regulation of insulin sensitivity by serine/threonine phosphorylation of insulin receptor substrate proteins IRS1 and IRS2. *Diabetologia.* 2012;55(10):2565–2582. doi: 10.1007/s00125-012-2644-8
17. Samuel VT, Shulman GI. The pathogenesis of insulin resistance: integrating signaling pathways and substrate flux. *J Clin Invest.* 2016;126(1):12-22. doi: 10.1172/JCI77812
18. Olivares-Vicente M, Herranz-López M, Barrajon-Catalán E, Micol V. The Interplay Between Oxidative Stress and Lipid Composition in Obesity-Induced Inflammation: Antioxidants as Therapeutic Agents in Metabolic Diseases. *Int J Mol Sci.* 2025;26(17):8544. doi: 10.3390/ijms26178544
19. Chaurasia B, Summers SA. Ceramides - Lipotoxic Inducers of Metabolic Disorders. *Trends Endocrinol Metab.* 2015;26(10):538–550. doi: 10.1016/j.tem.2015.07.006
20. Tashkandi AJ, Gorman A, McGoldrick Mathers E, et al. Metabolic and Mitochondrial Dysregulations in Diabetic Cardiac Complications. *Int J Mol Sci.* 2025;26(7):3016. Published 2025 Mar 26. doi: 10.3390/ijms26073016
21. Cho YK, Lee S, Lee J, et al. Lipid remodeling of adipose tissue in metabolic health and disease. *Exp Mol Med.* 2023;55(9):1955–1973. doi: 10.1038/s12276-023-01071-4
22. Zhang CY, Liu S, Yang M. Macrophage and inflammation in diabetes and metabolic dysfunction-associated steatotic liver disease: From mechanisms to therapeutic strategies. *World J Diabetes.* 2025;16(9):110515. doi: 10.4239/wjd.v16.i9.110515
23. Hotamisligil GS. Inflammation, metaflammation and immunometabolic disorders. *Nature.* 2017;542(7640):177–185. doi: 10.1038/nature21363
24. Donath MY, Meier DT, Böni-Schnetzler M. Inflammation in the Pathophysiology and Therapy of Cardiometabolic Disease. *Endocr Rev.* 2019;40(4):1080-1091. doi: 10.1210/er.2019-00002
25. Donath MY, Drucker DJ. Obesity, diabetes, and inflammation: Pathophysiology and clinical implications. *Immunity.* 2025;58(10):2373-2382. doi: 10.1016/j.immuni.2025.09.011
26. Li X, Yang Y, Shi X, Zhang Z, Ding S. Mitochondria-Associated Membranes as Key Regulators in Cellular Homeostasis and the Potential Impact of Exercise on Insulin Resistance. *Int J Mol Sci.* 2024;25(6):3196. doi: 10.3390/ijms25063196
27. Sood A, Shore SA. Adiponectin, leptin, and resistin in asthma: basic mechanisms through population studies. *J Allergy (Cairo).* 2013;2013:785835. doi: 10.1155/2013/785835
28. Unnikrishnan R, Pradeepa R, Joshi SR, Mohan V. Type 2 Diabetes: Demystifying the Unique Ethnic and Geographic Patterns. *J Assoc Physicians India.* 2023;71(1):11–12. PMID: 37116035.
29. Ngabea MA, Dimeji IY. GLP-1 receptor agonists and inflammatory pathway modulation: Dual targeting of metabolic and immune dysfunction in insulin resistance. *Biochem Biophys Res Commun.* 2025;789:152822. doi: 10.1016/j.bbrc.2025.152822
30. Zinman B, Wanner C, Lachin JM, et al. Empagliflozin, Cardiovascular Outcomes, and Mortality in Type 2 Diabetes. *N Engl J Med.* 2015;373(22):2117–2128. doi: 10.1056/NEJMoa1504720.

